

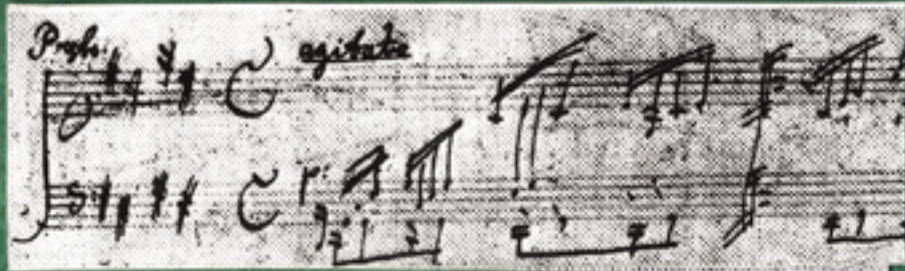
К. ШЕМЕТОВ

ПУСТЫЕ

КОРИДОРЫ

Тех, кто остался, жаль особенно. Ведь не все же они скоты, и как, должно быть, им стыдно, не говоря уже о притворстве: хочешь не хочешь — они вынуждены жить двойной жизнью (на людях и внутри себя), что отвратительно.

«Геликон Плюс»

Константин Шеметов

Пустые коридоры

«Геликон Плюс»

2015

УДК 83.3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шеметов К.

Пустые коридоры / К. Шеметов — «Геликон Плюс», 2015

ISBN 978-5-00098-024-8

Рок-музыкант и нейробиолог находят способ отстранения от реальности через неслышимый спектр в музыке. Новая разновидность трипа предстаёт убежищем от тотального сумасшествия толпы и последней возможностью остаться приличным человеком.

УДК 83.3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-024-8

© Шеметов К., 2015
© Геликон Плюс, 2015

Содержание

Часть первая. Сейчас (сторона А)	6
I. Intro	7
II. Experiments («Опыты»)	12
III. Lesbian Kat («Лесбиянка Кэт»)	19
IV. Polyphonic Plan («Полифонический замысел»)	23
V. Boombox («Бумбокс»)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Константин Шеметов

Пустые коридоры

© Шеметов К., 2015

© Геликон Плюс, макет, 2015

* * *

*Памяти Валерии Новодворской, Алексея Девотченко, Бориса
Немцова*

*Нет, она не могла мне помочь.
Мишель Уэльбек, «Лансароте»*

Часть первая. Сейчас (сторона А)

*Мир – западня: мы родились на свет, хотя не просили об этом, мы
заперты в теле, которого не выбирали и которому суждено умереть.
Милан Кундера, «Искусство романа»*

I. Intro

Слушая как-то альбом Марка Дауна «Пустые коридоры», Паскаль Годён пережил странное и до тех пор неведомое ему состояние: примерно на середине диска он как бы раздвоился и в некотором отдалении от себя увидел себя же.

Ещё один «Годен» – инженер Matra Marconi Space (M.M.S.), точная его копия. Как, собственно, копией выглядела и его квартира на Lake Road, и открытое окно в этой квартире, и вид из окна: улицы Портсмута, вдали исторические верфи с парусником «Виктория», а над гаванью закатное солнце. С минуту, пока завершалась композиция, Паскаль будто наблюдал за собой из другого измерения.

Казалось, он переместился.

Между тем в «параллельной реальности» было вполне комфортно: ни людей, ни машин – сплошь коридоры. Пустые коридоры, отражённый свет и звук своих же шагов. Впечатлённый эффектом, Паскаль оделся и вышел на улицу. Покружив переулками в Gunwharf Quays, он заглянул в первый попавшийся паб, а затем направился к сухому доку.

Вот он и попался. На расстоянии электрона от него существовал параллельный мир, а Паскаль и не знал. Вдали простиралось море. Показалась Луна. День подходил к концу. Бегущая строка у пристани показывала дату, время и температуру воздуха: 6.02.2014, 21:37, +8 °С. Довольно прохладно, но холода он не чувствовал. Он вообще мало что чувствовал, увлечшись трансформацией звука. Трансформацией в нечто большее, чем просто впечатление.

Секрет же, по его мнению, заключался в «правильном» сочетании звука и тишины. Не зря первым делом Паскалю явились пустые коридоры. Больше тишины скорей, чем звука. «Другая» реальность выглядела, словно новый дом, никем не заселённый, и хоть выставленный на продажу – за такую цену вряд ли кто купит. Ценою же была потерянная любовь, предположил вдруг Паскаль и где-то был прав.

В ноябре тринадцатого внезапно пропала его подруга Эмили Маус. «Крыса», как называл её в шутку Паскаль, преподавала славянские языки в местном университете (она в совершенстве владела русским, украинским и польским языками) и казалось бы – с чего ей пропадать? Маус не попала под машину, не прыгнула с крыши и не умерла от болезни – она просто исчезла. Проверили вокзал, паром, аэропорт. Он изводил полицейских, искал в Сети, но всё впустую.

Впустую, если не считать дневника Маус. После настойчивых уговоров Годену позволили его прочесть. «Может, найдёте что», – вздохнула женщина-полицейский (необыкновенно эротичная, лет тридцати – тридцати пяти). Но нет – ничего так и не нашлось.

«Дневник крысы» – значилось на обложке увесистой тетради, а ниже – фотография Эмили и её же рисунок. Маус любила рисовать, и, надо сказать, у неё получалось. Особенно ей удавались сцены с животными в стиле советских мультфильмов (с идеологическим подтекстом). Вот и на этот раз не обошлось без «морали». Под фотографией Эмили изобразила мышь. Мышь сидела у компьютера и смотрела порнографию. Время от времени она озиралась по сторонам – чуть встревоженная и в то же время не теряющая надежды. Вместе с нею не терял надежды и Годен. Ясно, что и Паскалю хотелось досмотреть кино. Досмотреть, и чтобы никто не мешал – ни ему, ни этой встревоженной мыши.

Картина так и просилась на выставку секса в лондонский Barbican Centre. Чего не скажешь о дневнике. Он не просился на выставку, был приземлённым и чуть наивным: всякие мелочи, сплетни, кино. Кино «не для всех», немного о книгах (Катрин Милле, Дорота Масловская), о музыке (в основном indie), но и здесь Эмили предпочитала одно-два замечания, не больше. О Паскале она упоминала лишь вскользь, планов не строила и в будущее не заглядывала.

Будущее? Будущее – производная от «сейчас».

Буквально с час назад Годен приостановился у магазина бытовой техники, где невольно стал свидетелем этого «сейчас» (а заодно и будущего). В витрине красовались десятка два LCD панелей (широкие экраны – превосходное качество), и все синхронно транслировали новости ВВС. Актуальные сюжеты: Игры в Сочи, уличные бои в Дамаске и события в Украине – Евромайдан.

Сюжеты наглядно демонстрировали физику перехода количества в качество и давали, таким образом, вполне ясную картину будущего. При строительстве олимпийских объектов в Сочи, к примеру, нанесён серьёзный ущерб экологии и похищены деньги, сопоставимые с бюджетом ста марсианских программ. В результате неразумной вырубке леса в регионе существенно изменится климат, а воровство и коррупция приведут к снижению уровня жизни.

Уличные бои в Дамаске приведут к новым жертвам, но поскольку Башар Асад – друг России, в Сирии как гибли люди, так и будут гибнуть. При скорости, скажем, 500 тысяч в год, уже через двадцать лет в стране останется лишь Башар Асад и его немногочисленные соратники.

Евромайдан – как протест против отказа украинской власти ассоциироваться с ЕС постепенно приобрел более широкие цели. После 16 января, когда Верховная рада приняла откровенно репрессивный пакет законов, ужесточающих санкции к протестующим, акция приняла резко антипрезидентский и антиправительственный характер. Начались выступления в других городах Украины. К шестому февраля оппозиция уже требовала перевыборов президента и возвращения к Конституции 2004 года (меньше прав президенту, больше парламенту).

Последнее сообщение ВВС касалось Юлии Тимошенко. Паскалю нравилась эта женщина, и он искренне сопереживал её несчастьям. Как выяснилось, бывший премьер-министр передала из заключения письмо, в котором призвала свою партию отказаться от возвращения к конституции 2004 года и готовиться к президентским выборам. События в Украине грозили серьёзным политическим кризисом. В качестве основных причин такого развития называли социальную несправедливость, низкий уровень жизни и разгул коррупции.

Телевизионный сюжет близился к концу. Корреспондент из Киева отметил явно негативное отношение к протесту руководства России и предположил новый виток противостояния между РФ и Западом. Акция длилась почти два месяца. Уровень недовольства властью в Украине впечатлял и, по мнению Годена, сулил одни неприятности (как, впрочем, и с Олимпиадой, и с Дамаском). «Chaos revolution, короче», – заключил журналист («хаос революции») и распрощался.

Постояв у сухого дока, Паскаль вернулся домой, снова включил Дауна, загрузил альбом в компьютер и приступил к делу.

Чего он добивался? Ничего особенного – понять, что к чему. Откуда вообще берётся этот эффект «параллельной реальности»? В последние лет десять-пятнадцать Годен переслушал немало музыки от Баха до современных панков (где, собственно, и наткнулся на творчество Дауна), но ни разу не переживал ничего подобного.

Композиции Марка казались ему довольно однообразными и походили одна на другую (во всяком случае, Паскаль не заметил особых различий). Он пропустил их через специальную программу – анализатор спектра и получил необходимые для работы характеристики. Едва ли эти характеристики были понятны обыкновенному человеку (скорей математика, и довольно сложная), но Годен справлялся. Инженерное образование и опыт работы в M.M.S. сделали своё дело – Паскаль и рад был бы просто слушать, но уже не мог. Его так и тянуло к формализованному представлению (окружающего мира).

Что до формализации – «досталось» и Эмили.

Однажды он описал её в терминах математической модели, ставшей по сути решающим доказательством (самому себе, естественно) любви к Маус. Он описал её внешность, голос,

переменчивость настроения, а затем и внутренний образ. Было сильное чувство – Паскаль будто явился в «Старбакс», взял кофе и стал изучать его с помощью интегральной функции (прекрасный кофе, к тому же в «Старбаксе» можно и кино посмотреть, и книжку почитать).

Вот и теперь – инженер из Matra словно купил новую книжку (допустим, «Страну радости» Стивена Кинга) и не просто читал её, а изучал и исследовал, расщепляя на фрагменты, а затем собирая из них структуры: мыслимые, ирреальные или даже загадочные – подобно фракталам Бенуа Мандельброта. (Кинг и правда мастер универсальных фрагментов – то и дело узнаёшь их, но всякий раз общая композиция выглядит как бы новой.)

Получив характеристики композиций Дауна, Паскаль интегрировал их в специальную базу данных, а затем сопоставил с характеристиками множества других произведений – других авторов и, в общем, наугад.

Наугад, однако, не вышло. Точность опыта, как известно, зависит от системы и объёма статистики. Годену попросту не терпелось. Но уже на следующий день он взялся как надо и к вечеру воскресенья обнаружил некоторые закономерности. При определённом сочетании звука и тишины музыка и впрямь вызывала некий эффект «перемещения». Не отчуждение, не relax, не отстранение от реальности и тем более не порыв. Являлся именно что «другой мир». По меньшей мере, он готов был явиться.

Эффект проявился сначала у Пьера Шеффера, изобретателя так называемой «конкретной музыки». Дальше следовали Янис Ксенакис, Эдгар Варез, исполнители в жанре DBM (Distorted Beat Music) и наконец – современные артисты ближе к панку и в интервале от soul до core: Luke Pickett, Her Words Kill, The Mars Volta, Intohimo и La Dispute.

Сравнив же характеристики этой музыки с характеристиками «обыкновенных» мелодий, Паскаль обнаружил одну особенность. При прочих примерно одинаковых параметрах композиции с эффектом «перемещения» имели существенно более широкий диапазон частот. Отдельные композиции вплотную приближались к порогу слышимости, причём как в левой части диапазона, так и в правой.

С альбомом Марка и вовсе творилась чехарда.

Даже на фоне тишины измерительная программа улавливала частоты из неслышимого спектра. В левой части диапазона явно присутствовал сигнал. Что интересно, по мере звучания альбома сигнал сначала усиливался, а достигнув своего экстремума на композиции Polyphonic Plan («Полифонический замысел»), постепенно ослабевал. Похоже, на Polyphonic Plan как раз и «открывались двери» (в другую реальность), после чего наступала пауза, а Годену лишь и оставалось, что блуждать пустыми коридорами.

В понедельник, 10 февраля, Паскаль отправился на работу, но работать не смог (загадки, домыслы). Он не мог сосредоточиться и, вернувшись домой, вновь отправился к сухому доку. По дороге Годен включил *Roème électronique* Вареза («Электронная поэма», 1958) и где-то на третьей минуте внезапно услышал скрип открывающейся двери. Он даже увидел её. Сколоченная наспех дверь (чуть покосившаяся и посеревшая от времени) приоткрылась и теперь вызывающе елозила туда-сюда. Елозила, казалось, от ветра, но ветра не было. Как не было и сил двигаться, а в проёме двери маячила тень Эмили Маус.

Помаячив с минуту, однако, тень замерла, стала прозрачной и в какой-то момент исчезла. *Roème électronique* ещё звучала, и всё же эффект был потерян. Композиции будто не хватило драйва. Вполне возможно – тех самых частот (загадочных частот), о которых размышлял Паскаль и которые присутствовали в том числе и у Дауна. Как бы то ни было, инженер терялся. Честно сказать, он боялся и думать, что подобрался к секрету мистификации.

Ближе к полуночи Годен вышел на Anglesea Road. Он никуда не торопился. Паскаль миновал Canal Walk, Goldsmith Avenue, Milton Park и вскоре (почти неосознанно и как-то само собой) оказался у дома Диккенса.

В минувшую пятницу, к слову, на Ратушной площади открылся памятник писателю – первый в Великобритании (и несмотря на просьбу Диккенса не ставить ему памятников). На церемонии открытия присутствовали более ста приглашенных, в том числе сорок членов семьи литератора. По словам профессора Тони Пойнтон (руководителя проекта), автор композиции Мартин Дженнингс старался передать «энергетику и богатство воображения писателя».

Энергетику? «Вот и сиди теперь, Чарльз, в окружении бутафорских книг, нога за ногу и уставившись в членов семьи», – подумал Годен, кружа у музея, когда неожиданно припомнил о странностях писателя. Диккенс зачастую впадал в транс и был подвержен видениям. Прежде чем перенести на бумагу слова, он отчётливо слышал их, а его персонажи будто находились рядом и общались с ним. Чокнутый, заключил Паскаль, и верно. «Пожалуй, лишь творческий характер этих галлюцинаций удерживает нас от подозрения в шизофрении», – заметил как-то парапсихолог Нандор Фодор, автор очерка «Неизвестный Диккенс».

12 февраля Паскаль повторил маршрут (работа, дом, сухой док, Диккенс), но вместо Дауна и Вареза поставил подборку из «неслышимого спектра», подготовленную днём раньше. Эффект обескуражил его: в доке «открылись двери», а у дома Диккенса Годен уже «разгуливал» пустыми коридорами и всё гонялся за тенью Маус. В какой-то момент тень остановилась, и тогда, чуть замедлив шаг, Паскаль увидел её. Он отчётливо увидел Эмили. Годен и Маус стояли у окна. Квадратное окно в конце коридора светилось ярким и словно неземным светом. На Эмили было платье невесты, ажурные чулки и эффектные сапоги Elche на тонкой шпильке.

Неповторимая Эм. Под платьем у неё не было ни трусов, ни бюстгалтера. Лишь просвечивал пояс и то ли проступал, то ли угадывался чуть ниже узкий прямоугольник цвета асфальта дождливым утром.

– Привет, – промолвила Эмили и улыбнулась.

– Привет, – удивился Паскаль.

Другая реальность была прекрасна.

Паскаль и Эмили взялись за руки. Оба почувствовали тепло и пережили безотчётную радость. К несчастью, радость длилась недолго. Уже в следующее мгновение Паскаль очнулся и обнаружил себя, где и был, – у дома Диккенса. «Руки» Эмили на самом деле оказались поручнями ограждения у Gisors Road. Мимо проехал автобус. Последнее, что Годен запомнил, – звук закрывающейся двери. Хотя и тут неясно – была ли это «дверь» в новое измерение, дверь автобуса или внезапный переход от звука к тишине в его подборке ультразвуков.

Запись закончилась. Годен, впрочем, сомневался – продлись запись дольше, вряд ли его свидание с Эмили тоже продлилось бы. Всё слишком неопределённо – тут тебе и внешние звуки (звуки реального мира – шум города, машины, голоса людей), и содержание самой подборки. Подборка весьма специфичная, но если разобраться – тоже ведь музыка. «Очень тихая музыка», – улыбнулся он про себя. Со своей тональностью, мелодией, ритмом, не говоря уже об особенностях исполнения. Именно стиль (форма, а не суть), рассуждал Паскаль, зачастую определяет качество восприятия современной музыки, да и современного искусства в целом.

Так что тут было о чём подумать.

Другое дело – хотел ли он? По крайней мере, последний опыт у Gisors Road существенно остудил Паскаля. Во-первых, мистика. Слишком много «потустороннего» мнилось Годену в «коридорах», да и в самой возможности повидаться с Эмили. Как атеист, он понимал, что идея абсурдна. Что же до науки, если даже и допустить здесь некую «математику», предметная

область казалась чужой и едва ли ему под силу. Годен избегал сомнительных исследований, а если бы и пришлось – уж лучше кокаину поесть.

Мягко говоря, Паскаль не чувствовал вдохновения. Максимум, чего он мог достичь, – научиться галлюцинациям, а точнее – научиться управлять ими. Задача не из лёгких, малоинтересная, да и глупая, если честно. Эмили не вернёшь. Как не вернёшь и Диккенса (разве что памятник, о котором он не просил). Учиться глюкам Годен не хотел. Он и без того мог «повидаться» с Эмили – скажем, во сне или мысленно.

Вернувшись домой, он ещё раз прослушал «Пустые коридоры», распечатал характеристики альбома, собранные им данные (от Гайдна до La Dispute) и позвонил в Нью-Йорк своему другу нейробиологу Лоуренсу Стэнли. Стэнли удивился рассказу Годена, но уже на следующий день взялся продолжить его опыты.

II. Experiments («Опыты»)

Лоуренс Стэнли родился в Провинстауне на полуострове Кейп-Код («Мыс трески», штат Массачусетс, США) в семье эмигрантов из советской Украины. Его родители Лев Ступак и Таня Ступак-Мацало ещё в 1981 году уехали на Запад – сначала в Англию, затем в Канаду и наконец в США. «Ближе к тунеядцу», – шутил в ту пору Лев Германович, имея в виду Иосифа Бродского, осуждённого за тунеядство в СССР и перебравшегося в Штаты.

Шутил, и не зря – поэт подбадривал его.

Именно в Провинстауне «тунеядец» написал так любимую Ступаком «Колыбельную трескового мыса». За что любимую? За «треску», понятно. «Дверь скрипит, – зачитывался Ступак. – На пороге стоит треска».

Просит пить, естественно, ради Бога.
Не отпустишь прохожего без куска.
И дорогу покажешь ему. Дорога
извивается. Рыба уходит прочь.
Но другая, точь-в-точь
как ушедшая, пробует дверь носком.
(Меж собой две рыбы, что два стакана.)
И всю ночь идут они косяком.

У океана, именно у океана мечтал жить Ступак, ведь живущий вблизи океана как раз и знает, по словам Бродского, «как спать, приглушив в ушах мерный тресковый шаг». Треска – это тоска. Сказать же открыто «тунеядец» не мог (нельзя жаловаться). Вот и Лев старался.

Со временем Ступаки сменили фамилию, выбрав «Стэнли», купили дом на Point Street (с океаном у изгороди), а в 88-м произвели на свет Лоуренса. «Ларри – недоумок» – с таким прозвищем юный Стэнли окончил колледж, таким же «недоумком» поступил в Массачусетский технологический институт (MIT) и уже ко второму семестру проявил себя как студент с задатками гения. «Недоумок» с ходу решал сложнейшие математические задачи, увлёкся биологией и с упоением интерпретировал работу мозга в терминах дифференциальных уравнений.

Интерпретировал он и Бродского. Воспитанный на его стихах (спасибо Ступаку-старшему), Ларри приелся Иосиф Александрович и из протеста он создал его программную модель-пародию. Как и русский диссидент, его модель сочиняла стихи – довольно чувственные и приводившие Ступака-старшего в бешенство.

Окончив институт, Ларри перебрался в Нью-Йорк, где с 2011-го работал в лаборатории Earth and Planetary Sciences («Земля и планетарные науки») при Американском музее естественной истории (AMNH).

Итак, 21 февраля 2014 года Лоуренс получил от своего коллеги из M.M.S. Паскаля Годена электронное письмо с сообщением о пропаже невесты и просьбой поработать «над его галлюцинациями», как выразился сам же Паскаль (вконец запутавшийся и растерянный). К письму прилагались статистические данные, альбом Марка Дауна «Пустые коридоры» и описание экспериментов, проведенных Годеном в последние две недели.

«Ларри, я напуган, – писал Годен. – То, с чем я столкнулся, кажется и наукой, и мистикой одновременно». В этом месте Паскаль обозначил паузу («II»), словно решил оглядеться – не кружит ли кто поблизости? Никто не кружил. Кто-то невидимый, может, и был, но не стал выдавать себя и, покружив, улетел. «Из-за этой алхимии трудно сосредоточиться, – продолжил учёный и объяснил вкратце суть. – Обрати внимание на статистику и обязательно послушай

альбом Дауна. Собрался было найти Марка в сети, но не нашёл. По слухам, он болен, а то и умер. Если надо, помогу с публикацией и деньгами (уж очень всё любопытно)».

Дальше следовала приписка (небесполезная, по мнению Стэнли, для опытов, но тревожная и свидетельствующая скорее о крайнем возбуждении Годена). «У дома Диккенса, – сообщил он, – когда бы я ни пришёл – сидит голубь. Сидит себе и урчит, в том числе и в неслышимом диапазоне (с частотой примерно от 0,05 до 0,2 Гц). Паскаль Годен, подпись, дата».

И подпись, и дата вызвали у Лоуренса ностальгию – как раз в феврале год назад он познакомился с Паскалем на семинаре в Гоа Science: Colonial Factor («Наука: колониальный фактор»). Тот ещё «фактор». А вообще этих «факторов» не счесть. Вот и мистика теперь. Во все времена загадочное и таинственное стимулировало науку и по сути было главным мотивом её развития. То же и с религией – даже основные противоречия между религией и наукой выглядят вполне конструктивными: религия – миф, а наука пытается его развенчать.

Получив письмо от Годена, Ларри задумался.

Его отношения с родителями (читай – с Бродским) давно уже носили если не мистический характер, то во всяком случае далёкий от конструктивного. Связь с родителями основывалась исключительно на чувствах, а атмосфера семьи являла собой весьма запутанную систему домыслов, поэтической символики и предрассудков. С раннего детства Стэнли был вынужден противостоять мифам, стараясь если не опровергнуть их, то хотя бы объяснить.

Так же и с Паскалем. Уже на симпозиуме в Гоа Ларри заподозрил в нём сумасшедшего. Не дауна, конечно, и не психа в смысле неуравновешенности (или ещё как-то), но всё ж таки – слегка пришибленного.

В Панаджи, к примеру (где коллеги провели большую часть времени), он признался, что безответно влюблён, и даже молился из-за этого. Молился неумело и неконкретно: Аллаху ли, Иисусу Христу – не поймёшь. «Определись уже», – советовал Ларри, но тот не внял. Казалось, Паскаль потерял всякую надежду и теперь искал поддержки, где придётся. «Божества» же бездействовали. Никто из них и не помышлял помочь Годену (влюбился – страдай).

Подругу Паскаля звали Эмили. На снимках она выглядела приветливой, но печальной. Годен восторгался ею, затем напивался, и остаток ночи друзья проводили в West End Club, изображая успешных, но не вполне состоявшихся учёных. К утру Годен сникал, и они шли к морю, где проводили лучшие часы своего «симпозиума». У пристани качалась лодка, стоял запах рыбы (и никаких «божеств»). Друзья ели арахис, разбирали гипотезу Римана и смотрели YouTube: от сюжетов из Сирии (газовые атаки, массовые убийства) до видео с Марса (марсоход Curiosity исследовал Красную планету). Найдены веские доказательства наличия воды на Марсе, Башар Асад получил полную поддержку Москвы, а осуждённые в России Pussy Riot – поддержку Мадонны и Anti-Flag.

Годен реагировал довольно вяло. Чувствовалось, что он в депрессии и, подобно Асаду с Pussy, нуждается в поддержке. Ларри же мог предложить ему лишь арахис да сомнительную гипотезу. Хотя вряд ли это поможет. Как не помогут и «божества», но делать нечего.

Письмо, полученное накануне, требовало ответа. Опыты Паскаля, может, и дурь, но тем и хороши опыты – их хочется проверить. Подтвердить или опровергнуть. Скорей опровергнуть, размышлял Стэнли (Ступак – по папе и талантливый «недоумок» из лаборатории Earth and Planetary Sciences при Американском музее естественной истории).

В тот же день он объехал ближайшие к музею музыкальные магазины, но «Пустых коридоров» там не было. Никто не знал ни об альбоме, ни о самом музыканте. Альбом нашёлся лишь в скромном Fifth Avenue Records & Tapes. Юная продавщица со впалыми щеками, в узких штанах и майке Touche Amore – Is Survived By удивилась: «Марк?!»

– Вы первый, кто спрашивает.

Судя по бейджику, её звали Ира Сендлер. Надо же, подумал Ларри. Ирена Сендлер была участницей польского сопротивления и во время войны тайно помогала еврейским детям. В 1943 году её арестовали, но Ирена чудом спаслась. После установления в Польше коммунистического режима она вновь подверглась преследованию – на этот раз уже своими. Удивительно – Сендлер пережила и нацистов, и коммунистов.

– Вы первый, кто спрашивает, – продавщица держалась свободно и, подобно польскому сопротивлению, проявляла настойчивость.

– И что?

– Могу предложить винил, – Сендлер улыбнулась, её щёки постепенно ожили, а майка Touche Amore чуть приподнялась. – Впрочем, Empty Corridors на CD не бывает, – добавила она. – Даун пишет только винил. Будете брать?

– Буду.

– Насчёт галлюцинаций знаете?

Тут уже удивился Ларри. Сендлер вынула из шкафа пластинку и указала на предупреждение: «Вызывает галлюцинации. Не рекомендовано детям, беременным женщинам и людям пожилого возраста». Надпись располагалась на лицевой стороне конверта и выглядела весьма устрашающе.

Ларри кивнул и полез за деньгами.

– За последнее время, – промолвил он, – в Сирии погибли уже сотни тысяч – в основном дети, беременные и люди пожилого возраста. Лучше уж пластинку послушать, – улыбнулся Ларри и взглянул на продавщицу. – Так?

– Может, и так, – ответила продавщица.

Они поболтали ещё с минуту и расстались.

Сендлер призналась, что «Коридоры» Дауна – «впечатляющая музыка» и, как понял Ларри, эта музыка сильно повлияла на неё (впалые щёки, печальный взгляд).

Странно, но вернувшись домой и впервые прослушав альбом в истинном, а не в сжатом формате MP3, он не нашёл в нём ничего выдающегося. Ларри не ощутил ни «параллельной реальности», ни изменений в мозге (о чём подозревал Паскаль), ни света («отражённого света, который увлекал всё дальше и дальше»). Не зря, видно, Годен казался ему слегка пришибленным.

И всё же в музыке Дауна что-то было. Взять хотя бы стиль, поэзию, не лишённую самобытности, не говоря уже о самом авторе. «Сумасшедший из Приднестровья» – гласила одна из редких заметок о нём в Trouser Press.

Марк родился и вырос в Тирасполе (так называемая «Приднестровская Молдавская Республика»). Настоящее имя – Пештру Лушняу. Активно выступал против русского вторжения в Молдову, неоднократно судим, прошёл принудительное лечение в психиатрической клинике Рыбницы, а по выходе из неё бежал за рубеж: сначала в Румынию, затем в Польшу, оттуда – в Австралию (Дарвин, Бигл-Бей, Брум).

В своей музыке он удивительным образом сочетал элементы hardcore-punk, soul и noise. Вокал Дауна напоминал манеру Люка Пикетта из Her Words Kill, а поэзия являла ироничную смесь социального протеста и певучести, что ли. Ларри улыбнулся. Термин «певучесть» вырвался сам собой. А вообще, интересно – что-то славянское было в этой певучести, но также и западное – отчасти злое и одновременно мягкое («бесчинства суфражисток» – подумалось Ларри, ну как тут не засмеяться?).

Альбом «Пустые коридоры» был записан в домашней студии Марка в Бруме. В 2013 году альбомом занялась малоизвестная Mystic Implication of Poland из Польши, и с тех пор, по словам Сендлер (Ира Сендлер в майке Touche Amore), пластинка время от времени переиздаётся

на подобных же лейблах и преимущественно за счёт автора. Марк не ведёт блогов, он нелюдим, выступает в основном по клубам. У него пикап Dodge, вертолёт Robinson, а в Рождество он улетает на Южный полюс.

Сендлер оказалась весьма продвинутой по части Дауна, да и вообще по части альтернативной музыки (авангардной, экстремальной и так далее).

Признаться, Ларри был очарован ею.

Ближе к ночи он вновь поставил альбом, но на этот раз решил испытать наушники, прилёг (очень хотелось спать), и странное дело – уже при первых звуках Intro ощутил нечто необыкновенное. Не вполне объяснимое, отчасти приятное, но вместе с тем и болезненное. Во всяком случае, явление таило некий дискомфорт – сначала холод, затем страх, и, казалось, пространство вокруг Ларри стало сжиматься. В середине Experiments он отчётливо услышал шум дождя. Чуть потеплело, и в этом «ограниченном пространстве» теперь преобладали запахи. Они сменяли друг друга – знакомые и в общем простые и понятные: запах мокрой пыли, телефонной будки и бензина.

Приехали, короче. Лоуренс снял наушники.

В отличие от его Hi-Fi системы Dynaudio наушники Sennheiser за 60 долларов как раз справились (Sennheiser HD 215 II, 12–22000 Гц). Осталось понять – *с чем именно справились и каким образом?*

Сон как рукой сняло. Вернулось любопытство и даже азарт. А ведь ещё час назад Ларри не сомневался – Годен сумасшедший, он пережил душевную травму, что ж удивляться его «параллельным мирам»? Ларри включил компьютер, загрузил Microsoft Access и взялся за проект таблицы – специальной таблицы для работы с загадочным альбомом.

Альбом включал 12 композиций (по шесть с каждой стороны, от Intro до Empty Corridors). Ларри ввёл их названия, тексты, продолжительность, частотные характеристики и оставил дополнительные поля на случай развития (тема, настроение, заметки и т. п.). Специальный раздел он отвёл и для информации, полученной от Паскаля, включая данные его опытов, статистику и эффект, пережитый Годеном и сформулированный вербально.

Он определил ключи, назначил индексы, смарт-теги и подстановки. Чем не искусство? Ларри, словно художник, вдохновлённый предчувствием, писал последнюю картину. Картина – что надо. Пусть не Дега, но уж точно в духе футуристов и с элементами перформанса.

Над Нью-Йорком занимался рассвет.

Под утро Стэнли интегрировал полученную таблицу в исследовательскую базу данных лаборатории Earth and Planetary Sciences, отправил Годену SMS, где обещал помочь, но просил не торопить его и, испытав недобрые чувства, уснул.

Всю следующую неделю и вплоть до 8 марта Ларри слушал альбом, записывал впечатления и строил гипотезы. Секрет «Коридоров» между тем не давался. Ларри поднял справочники по физике, купил всевозможных устройств (в основном бытовые приборы, работающие в диапазоне инфра – и ультразвуков), а в гараже устроил настоящую мастерскую. Он разобрал и переделал заново с десяток наушников, сжёг по неосторожности колонки, микроволновую плиту и едва не устроил пожар – ничего.

Секрет по-прежнему не давался.

Зато в мире происходили поистине «захватывающие» события. Ларри с тревогой следил за новостями и ужасался – русские вновь демонстрировали свою подлую сущность. Пользуясь chaos revolution в Украине, Россия твёрдо решила взять Крым.

Первого марта в ответ на обращение крымских сепаратистов к президенту РФ (с просьбой защитить их от якобы бандеровцев и фашистов) Путин получил разрешение Совета Федерации на ввод войск в Украину. Уже на рассвете второго марта начался штурм воинских частей в Балаклаве и в районе аэропорта Бельбек. Захвачены пленные, техника и склады с оружием.

Пиздец какой-то, размышлял Ларри, русских так и тянет что-нибудь отнять: Приднестровье у Молдовы, Абхазию и Южную Осетию у Грузии, а теперь и Крым у Украины. Крым – «страна Чехова» в представлении американцев (во всяком случае, по словам Александра Гениса – писателя и ведущего радио «Свобода»). Чехов? Какой к чёрту Чехов – страна истинных русских! Судя по репортажам (даже западных СМИ, не говоря уже о российских), русскоязычное население Крыма с восторгом встретило ввод войск.

Что любопытно – если Молдова с Грузией хотя бы сопротивлялись, то украинские солдаты в Крыму лишь делали вид. Они с лёгкостью сдавали оружие, а то и переходили на сторону врага. Местные буквально выпрыгивали из штанов, приветствуя оккупантов. Настоящий экстаз. Торжество русофилов.

Оставались крымские татары – последний очаг сопротивления. Татары пока держались. Впрочем, и здесь надежды немного: единственное их оружие – честь, а честь в России – наказуема.

Но и это не всё. 3 марта началась паника на ММВБ. В ходе торгов Россия потеряла половину олимпийского бюджета («Сочи-2014»). С этой Олимпиадой одна беда. Как выяснилось, там и песни не споёшь – убьют (смотри клип Pussy Riot «Путин научит...»). В результате паники на бирже фондовый рынок упал на 10,8 процента. Обесценились бумаги крупнейших компаний. Образно говоря, инвесторы (а заодно и Pussy) заканчивали выступление и покидали сцену.

Что же до Путина – 4 марта он обвинил во всём Запад. 5 марта Запад обиделся и пригрозил экономическими санкциями. Смех один, Ларри печально улыбнулся. Да плевать Путин хотел на эти «санкции»! С их запасами углеводородов русские на трубе вертели и Запад, и его санкции, и уж тем более Украину с её «солдатами» (хотя и, несомненно, гордую, если учесть решимость Евромайдана).

Шестого марта парламент Крыма принял решение о присоединении к России. Седьмого появились репортажи о выступлениях сепаратистов в Луганске. Чуть позже – в Донецке. В Москве прошёл многотысячный митинг в поддержку оккупации Украины («Танки на Киев!»).

Восьмого пропал «Боинг-777» авиакомпании Malaysia Airlines, летевший из Куала-Лумпура в Пекин. Связь с самолётом была потеряна над Южно-Китайским морем. На борту находились 227 пассажиров и 12 членов экипажа. Незавидная участь, с горечью констатировал Ларри. Он спустился во двор, постоял у лестницы и, пройдясь по Парк-авеню, неожиданно свернул где-то под аркой. Свернул, да так и проходил час или два безлюдными переулками в районе North Bergen.

Остаток субботы учёный провёл за размышлениями о смерти. Из головы не выходил потерянный рейс и на ж тебе – «кровавый вторник» в Киеве 18 февраля. В тот день в результате столкновений манифестантов с полицией погибло 25 человек, 600 ранено. Ещё недавно совершенно немыслимое для Украины событие стало явью. Люди полны решимости: они готовы умереть (а власть готова поубивать их).

«В пустом переулке можно спастись, – записал Ларри. – На час или два, вряд ли больше: переулок не Иисус Христос». Что и к лучшему, добавил он. Добавил – и словно вернулся на землю из далёкого космоса.

Вернувшись на землю, Лоуренс собрался с мыслями и ближе к ночи позвонил Паскалю в Портсмут.

– Слышал про самолёт?

– Слышал.

– Ну и где он? – спросил Ларри.

Паскаль не знал.

Да и откуда ему знать? Мало ли что на уме у пилота. Впрочем, и Ларри явно стебался.

– В другой реальности? – предположил Годен.

Предположил и тут же понял, что не до смеха.

Даже метафорически мысль выглядела пугающе: объект, исчезнувший с радара, вряд ли вернётся.

– Исчез и вряд ли вернётся, – словно прочёл его мысли Лоуренс. – Всё правильно, но не так уж и плохо, – констатировал он.

По мнению Ларри, механизм «пустых коридоров», над которым они с Годеном так увлечённо работали (и всё никак), гораздо сложнее и интересней, чем они до сих пор представляли. Исчезновение малазийского самолёта, оккупация Крыма и «кровавый вторник» натолкнули учёного на одну мысль, и теперь он был поглощён ею: ничто никуда не девается, пока не увидишь мёртвых.

Иными словами, самолёт до сих пор где-то летает, полуостров, как мы знаем, на месте, а убитые на Майдане живы, пока ты не видел их мёртвыми.

– И даже мёртвое тело, – продолжал Стэнли, – мало что значит, если ты не знал человека.

Это как неслышимый диапазон: звука нет, но он есть. Более того, комбинация неслышимых звуков рождает образ, и чем сложнее эта комбинация, тем образ более реалистичен.

– Странное ощущение в голове – как ты и писал.

Ларри подтвердил опыты Годена и наконец подобрался к главному – *звуки города*. Фиксировал ли Паскаль звуки города у дома Диккенса? Занимался ли он ими? (Судя по всему, нет.) Внешние звуки из неслышимого спектра если и не создают эффект «пустых коридоров» непосредственно, то, во всяком случае, играют важнейшую роль – такой была теория Лоуренса.

Идея о «внешних звуках» пришла к Ларри вместе с медийной атакой России на Украину. Ступак-младший вдруг ясно представил себе состояние общества на фоне антиукраинской пропаганды в российских СМИ. Пропаганда почище советской, и ясное дело – эти «внешние звуки» доведут кого хочешь.

Пропаганда и впрямь похожа на фон, согласился Паскаль и задумался. Предположение Ларри выглядело вполне разумным. Годен просмотрел свои записи и кое-что обнаружил. Да, действительно – всякий раз, прослушивая альбом Марка Дауна, он находился в окружении весьма громкого (хотя и привычного уже) шума. В квартире это был шум холодильника, радио, компьютера. Шум дождя, проникающий сквозь открытое окно. Шум ремонта этажом выше, шум унитаза и микроволновой печи. Шума хватало. Не говоря уже о шуме улицы, когда он прогуливался к сухому доку и к дому Диккенса.

У «Диккенса», к примеру, очнувшись от холодного прикосновения к поручням, Паскаль даже удивился обилию шума. Обилию *out noise* («внешнего шума»), как называл этот шум Ларри и влиянием которого так озаботился. Может, Ларри и прав, но в любом случае надо бы поработать с этим.

Так он и сделал. В последующие несколько дней Годен собирал данные. Честно сказать, собирать не хотелось, но долг обязывал (сам ведь затеял), да и разбираться с данными будет не он (что утешало). Разбираться будет Лоуренс Стэнли из Нью-Йорка (если захочет, и вообще – Паскалю нет никакого дела до мистики).

В *Matra Marconi* он выписал было широкополосную деку, но тут же отказался от неё (плёнка не пишет необходимых ему частот) и раздобыл компактный анализатор спектра с макбуком. Вполне хипстерский набор: в рюкзаке анализатор (с памятью и микрофоном), в сумке макбук (для отображения и обработки данных). С этими «аксессуарами» Паскаль и вправду

выглядел хипстером (но хипстером весьма деятельным и активным). Он шатался по городу и тщательнейшим образом фиксировал окружающие его звуки. Как и планировал, он записал звуки в квартире, звуки, доносящиеся из окна, звуки в пути (от Lake до Milton Road), у сухого дока и звуки у дома Диккенса.

Рюкзак и сумка прочно приклеились к его образу. Десятого марта Годен закончил запись, одиннадцатого выделил и систематизировал треки, а двенадцатого отправил их по электронной почте Ларри. Слушать не стал и вообще мечтал поскорей избавиться от навязчивой темы.

Получив треки «внешнего шума», Ларри сопоставил их с февральскими ощущениями Паскаля, и вот что получилось. Во-первых, чем ближе Паскаль приближался к дому Диккенса, тем интенсивней он перемещался в «пустые коридоры». Во-вторых, по мере его прогулки от Lake Road через Anglesea и вплоть до Gisors звуки неслышимого спектра приобретали всё более гармоничный характер. Иными словами, сочетание этих звуков напоминало мелодию. Некую пьесу в диапазоне инфра – и ультразвуков. В-третьих (и что самое загадочное), ритм неслышимой «пьесе» задавали новости о событиях в Украине. Новости исходили из радиоприёмника в квартире Годена и давали по сути исходный импульс для всей последующей «музыки».

Именно музыки. Альбом Марка Дауна мало того, что сам содержал неслышимый спектр, он ещё и каким-то образом складывался с «альбомом out noise», условно говоря. Комбинация внешнего шума (если таковая действительно имела место) возникала случайно, и опять же – на фоне политических новостей, что казалось безумием.

Безумием настолько, что Ларри сник.

Ларри осознал вдруг свою беспомощность: каким бы талантливым он ни был, вряд ли ему совладать с гигантской силой ничтожно вероятного события. «Альбом out noise» возник сам собой. Возникнув, он случайно совпал с альбомом Дауна «Пустые коридоры». Эта случайная комбинация совпала с Годеном. Совпала с его настроением, его прогулками к доку и дому Диккенса. Совпала с Евромайданом и с российской оккупацией Крыма.

Совпадения наводили на размышления. Размышления утомляли, пугали и уж никак не придавали сил. Ларри представил, как он будет биться над этой задачей, и, признаться, приуныл. От безысходности он попросил Паскаля ещё раз проделать свой опыт (опыт с «перемещением» в другое измерение). Тот согласился, но прежнего эффекта не получил. В какой-то момент Паскаль увидел пустые коридоры и даже услышал скрип открывающейся двери, но внутрь так и не проник.

Шестнадцатого марта в Крыму состоялся референдум о присоединении к РФ. Референдум незаконный и наглый. Изменилась также и интонация новостей (вместо «русских бьют» – «Крым всегда был наш»), а лайнер, пропавший над Южно-Китайским морем, так и не нашёлся.

Не нашёлся, зато нашёлся Ларри.

Как жаль, что он не обучен музыке, мелькнула мысль, и в тот же миг он отчётливо представил себе пианино, воспроизводящее неслышимый спектр. Ту самую «пьесу» в диапазоне инфра – и ультразвуков, которую Лоуренс считал «гигантской силой ничтожно вероятного события». На таком пианино он наиграл бы тысячу «альбомов out noise» и не нужно было бы ждать случайных совпадений.

Инструмент явно пригодился бы, решил Ларри, и уже в ближайшие дни отправился в Рокленд (штат Мэн) к своей подруге Кэт Скovich по прозвищу «Лесбиянка Кэт».

III. Lesbian Kat («Лесбиянка Кэт»)

Кэт Скovich – настоящая профи. В 2012 году она окончила Литовскую академию музыки и театра по классу фортепиано. После окончания академии (и вопреки желанию родителей) уехала в США – вдруг повезёт. Не повезло: осень и зиму она перебивалась частными уроками, а в тринадцатом познакомилась по Интернету с Ларри. Ступак писал и по-английски, и по-русски, его блог пользовался популярностью, он был свободен и интересен – так почему бы нет?

Постепенно они привязались друг к другу. С блога перешли на Скайп и вскоре встретились. На Рождество он приехал к ней в Рокленд, где Ларри и Кэт провели незабываемые каникулы. Как ни странно, ожидания не обманули их: тот редкий случай, когда реальная связь адекватна виртуальной.

По поводу «лесбиянки» – на деле Кэт оказалась вполне себе «гетеро», если не «би» (о чём Ларри мог бы догадаться и раньше). Догадка влечёт, рождает образы, а то и вовсе – новую реальность.

За этой реальностью Ларри как раз и приехал к Кэт 18 марта, во вторник. В машине он ещё раз послушал Empty Corridors Дауна, ощутил лёгкий гул в голове – вот и весь эффект. Эффект и вправду был слабый, как будто не хватало исходных данных, настроения, какой-нибудь мутации – Ларри и сам не знал. А потом – акустика. Акустика Mini (Mini Cooper Countryman), как он понял, была слишком хороша для галлюцинаций. «Вызывает галлюцинации. Не рекомендовано детям...» – припомнил он надпись на конверте. Зато (надо же!) пережил настоящий стресс, услышав по радио заявление Путина о Крыме. Президент РФ не скрывал радости: отныне Крым считался территорией России (блядь).

По CNN показали восторженных жителей Симферополя. Если верить официальным данным, этих «восторженных» в Крыму набралось аж 94 процента. Референдум о присоединении к РФ был проведён в спешке, под контролем военных, но беспокоило другое.

Ларри с грустью подумал о положении остальных жителей автономии – тех самых шести процентах, а ведь это около 120 тысяч ни в чём не повинных граждан Украины. Теперь они будут причислены к «врагам народа» и, несомненно, подвергнуты мучительному «перевоспитанию». «Стоять смирно, говорить по-русски!» – образно выражаясь. Этот слоган Ларри подхватил на «Эхе Москвы», а когда выяснил, что за херь такая, оказалось – заставка. Безобидная на первый взгляд заставка к передаче о русском языке. Вот этим шести процентам и не позавидуешь теперь.

Впрочем, и крымским русофилам придётся несладко. На смену эйфории явятся будни, сомнения, а позже и удручённость. У русофилов теперь не будет ни честных выборов, ни свободных СМИ, ни справедливого суда. Останется лишь «свобода» любить родину (Путин научит). Да и богаче никто не станет. Пройдёт время, но, даже сделав правильные выводы, репутации не вернёшь.

В пути Ларри не раз останавливал машину и с минуту-другую сидел как пришибленный. Если их действительно притесняли и они так хотели в Россию (а русских в Крыму немало – это правда), то почему бы не заявить об этом раньше? Почему бы не обратиться в ООН, в правозащитные организации, к журналистам, наконец? В том-то и дело – ни в Крыму, ни в остальной Украине никто никого не притеснял. Разве что надпись на заборе «Геть москалі!», и то – лишь после начала жесточайшей антиукраинской пропаганды.

Относительно России: Россия, конечно, обозлилась. Обозлилась на Майдан (да на всех обозлилась, включая саму себя) – что не сможет больше держать Украину в повиновении, и

когда стало ясно, что та уходит, решила отомстить. Так что Крым – это месть (месть и урок). Урок всем, кто захочет свободы (в том числе и в России), а никакая не забота о русских в Крыму.

Миновав Эймсбери, Ларри притормозил и, чуть помедлив, выключил двигатель. Сгустились сумерки. В небе покачивалась луна, будто кто-то неведомый дул на неё, а на деле покачивался сам Ларри – он устал от дороги, устал от новостей.

Спасибо Кэт – она ждала его, и уже через час-полтора они поужинают в «Миранде» (Café Miranda, 15 Oak Street), постоят на набережной в Lermond Cove, а ближе к утру (пьяные и счастливые) займутся сексом.

Так и вышло. Секс выдался бурным и продолжительным. Подобно выступлению Путина в Кремле, секс Ларри и Кэт сопровождался повторяющимися оргазмами, счастливым шумом, радостной болью и в итоге – экстазом («Крым наш, добро пожаловать в родную гавань!»). Над Роклендом навис туман. Но уже с рассветом задул ветер, и к обеду туман рассеялся.

Туман рассеялся, Кэт сварила кофе. Прекрасный кофе, как, впрочем, и Кэт, и её турка, явно приобретённая с рук.

– На распродаже, – кивнула Кэт.

А вот он свою турку забросил и теперь держал там всякую всячину: пакетик сахара, карандаш Faber-Castell, авторучку с логотипом HP (HP invent), доллар, свёрнутый в трубку, катушку ниток, иголку и упаковку CANNABIS incense sticks. Туркой, короче, Ларри не пользовался и предпочитал ей кофейную машину.

– Куда проще, – подытожил он и перешёл к делу.

Он поведал Кэт историю Годена (пустые коридоры, другая реальность) и раскрыл свою догадку о произвольном соединении звуков неслышимого спектра (out noise) с композициями Марка Дауна.

– Думаю, этот noise – тоже музыка, – промолвил Ларри и предложил Кэт представить пианино, но не привычный для неё инструмент, а пианино, настроенное на неслышимые частоты.

– Не могла бы ты поиграть на таком «пианино»?

– Игра в бисер? – Кэт улыбнулась.

В каком-то смысле это и была «игра в бисер». Накануне Ларри изготовил 24 специальных тон-генератора, настроил их на соответствующие частоты и подсоединил к MIDI-клавиатуре. Получились две полноценные октавы: левая «издавала» инфразвук, правая – ультра. Подключив клавиатуру к компьютеру, можно было сдвигать октавы в слышимый спектр, контролировать мелодию визуально, а также запоминать её, обрабатывать и совмещать с любой другой мелодией.

«Бисер» же заключался в следующем: сочинить как можно больше *неслышимой* музыки. Иначе говоря, Кэт предлагалось заняться композицией. Игра ума и воображения по Герману Гессе. Для решения задачи, поставленной Паскалем, Ларри нуждался в мелодиях Кэт. Предположительно эти мелодии должны были стать своеобразным фоном для альбома Дауна. Фоном, в сочетании с которым его «Пустые коридоры» давали бы эффект «параллельной реальности».

– Что скажешь? – Ларри взглянул на Кэт.

Кэт потянулась за чупсом.

Как исполнитель она была так себе и прекрасно знала об этом. В Вильнюсе Катя скорее развлекалась, нежели училась. По окончании академии самое большее, на что она могла рассчитывать, – это работа в каком-нибудь захудалом театре (в Гомельском театре кукол, к примеру), а то и вовсе учителем в средней школе. Кэт с ужасом представляла провинциальные театры мюзикомедии, устроенные по всей Беларуси, и буквально тряслась от страха при мысли о так называемом «народном театре» в Барановичах.

Тем не менее Кэт не мыслила себя без музыки. Она с детства сочиняла мелодии, а её особым пристрастием были Шопен и блюз. Шопен – благодаря мазуркам (Скович как-то послушала их и запала). К тому же, как и Шопен, она родилась в Польше и невольно романтизировала эту страну. Что же до блюза – блюзом её увлёк Рэй Чарльз, когда ещё в школе она посмотрела фильм «Рэй» (Ray, режиссёр Тэйлор Хэкфорд, в роли Рэя Чарльза – Джейми Фокс, США, 2004). Удивительно – с тех пор Скович то и дело выискивала что-нибудь о блюзе, изучивала стандарты и даже коллекционировала передачу «Весь этот блюз» на «Эхе Москвы» (с Андреем Евдокимовым).

«Из патрульной машины, лоснящейся на пустыре, звякают клавиши Рэя Чарльза», – нередко перечитывала Кэт «Колыбельную трескового мыса» Бродского (но уже значительно позже – по приезде в Америку). Более того – мазурки Шопена Кэт воспринимала тоже как блюз. По меньшей мере, их настроение ассоциировалось с плачем (как и композиции Рэя Чарльза) – плач приличного человека.

Примерно в том же интервале (интервале плача) находился и Даун. Марк Даун – музыкант, автор соул-альбомов и псих из Приднестровья. Голос Дауна узнаваем, он тих и печален – что боль, идущая из глубины. Глубины сознания, океана чувств, безысходности, надежды, наконец – поди разберись.

Но лучше так, чем, к примеру, Рахманинов. Кэт и не помышляла понять Сергея Васильевича. Во-первых, сложен (невероятно сложен технически), а во-вторых, русский (хоть и умер в Беверли-Хиллз). С русскими всегда так – даже простые вещи они ухитряются запутать, и тогда уже всё равно: коммунисты они или демократы. В этом смысле предстоящая работа с Ларри выглядела предельно ясной: «подыграть» Дауну. Найти правильную тональность, ритм, мелодию (весь этот блюз). «С Ларри хорошо», – рассуждала Кэт. С ним она ощущала себя и Рэем Чарльзом, и подвижницей науки.

Правда, и Ларри был русским. Но странно – Ступак хоть и имел русские корни, был напрочь лишён «русского мировоззрения» – презирающего всех и вся, лукавого и гениально дьявольского. По-хорошему, такое мировоззрение нуждалось в суде – открытом и честном (по типу суда над нацистами в Нюрнберге). Но возможно ли это? Кэт сомневалась. В соответствии с демократическими принципами любая идея считалась проявлением свободомыслия – даже самая лукавая и дьявольская. Тут так: нет жертв – нет суда. Хорошо бы сначала дожидаться жертв (причём много – чем больше, тем лучше), а там посмотрим. В представлении Скович был лишь один способ покончить с «русским мировоззрением» – всячески противостоять ему и ни в коем случае не сотрудничать с властью.

Оккупация Украины во всей красе показала убогость русского сознания. Весь мир увидел единство их нации: рейтинг Путина зашкалил за 80 процентов, и ни одного протеста внутри страны.

Кэт нахмурилась.

– Что скажешь? – переспросил Ларри.

Пока Кэт размышляла, он всё поглядывал в окно. Пошёл дождь, море билось о камни, ветер явно усилился и трепал теперь всё подряд: баннер напротив, светофор на растяжке, провода и навес у кафе Brown Bag.

Кэт согласилась, и следующие две недели пролетели как один день. К каждой вещи из «Пустых коридоров» она подобрала с десятков «неслышимых» мелодий и даже упорядочила их по степени, как Кэт выразилась, «проникновения в другой мир». Отдельные сочетания казались ей наиболее сильными, и тогда Скович немедленно связывалась с Ларри. Тот изучал полученный эффект, вносил необходимые правки и предлагал новые решения.

В целом его идея подтверждалась: само наличие «неслышимой» музыки и гармоничное её сочетание с композициями Дауна словно перемещали вас. А куда перемещали – каждый ощущал сам.

К примеру, на композиции Polyphonic Plan в сочетании с неслышимым плагином «Ветер мартовской ночью» (названия придумывала Кэт – подчас смешные и чуть простоватые) Ларри переместился в будущее. Нью-Йорка в традиционном понимании там не было, зато было море, его прежний дом в Провинстауне, и опять же – дождь. Ларри стоял у окна, смотрел на дождь и слушал, как тот стучит, ударяясь о крышу.

При таком же сочетании Скovich переместилась в совершенно неизвестное ей место, и скорее это был вымысел, существовавший лишь в её воображении. Кэт кружила в воздухе, а под нею располагались карты Google. Время от времени карты Google сменялись снимками из космоса, но тут же и возвращались вновь, на этот раз в более крупном масштабе – масштабе улиц или даже зданий.

Что до Паскаля, тот вновь переместился в коридоры (пустые коридоры, как и прежде) и, пока длилась запись, успел и Эмили разглядеть, и пейзаж за окном. Очуметь! За окном светила галактика. Формой она напоминала М 81¹ (такая же впечатляющая, спиральной формы и с активным галактическим ядром), а в непосредственной близости от Годена располагалась планета 47 Ursae Majoris C – одна из тех экзопланет, которыми Паскаль как раз и занимался в Matra последние полгода.

Как понял Ларри, каждый перемещался, куда хотел: будь то воспоминание (куда хотелось бы вернуться) или вымысел (то идеальное место, о котором мечтаешь, – лишь бы убраться из реальности). Пока же Кэт подбирала музыку, Стэнли размышлял, как быть дальше. А тут и в самом деле было над чем подумать.

¹ М 81 (Messier 81) – спиральная галактика в созвездии Большая Медведица. Другое название – «Галактика Боде» (по имени немецкого астронома Иоганна Элерта Боде, 1747–1826). Открыта Иоганном Боде в 1774 году. Имеет активное галактическое ядро, которое вполне может оказаться чёрной дырой (пока не ясно).

IV. Polyphonic Plan («Полифонический замысел»)

*Одна лишь музыка может сделать видимой скрытую печаль.
Милан Кундера, «Встреча»*

«Музыкальная полифония, – прочёл как-то Ларри у Милана Кундера, – это одновременное развитие двух или более голосов (мелодических линий), которые хотя и связаны между собой, сохраняют тем не менее относительную независимость» («Искусство романа»).

Площадь Независимости в Киеве при таком подходе как раз и являла собой арену самой что ни на есть полифонии. Ларри нет-нет, а и убеждался в этом, слушая новости и сопоставляя факты. Мысленно, считай, он давно уже жил на Майдане, побывав в Крыму (где тихо хуел – «крыматорий»), а заодно и в России, где насмотрелся на русских (ничтожных безумцев).

Полифония же Майдана заключалась в следующем: протест объединил наиболее активных и совершенно разных по характеру, решимости и убеждениям людей – от очкариков-интеллигентов до храбрецов из «Правого сектора». Весьма разноголосый оркестр, но тем и хороша его музыка – она была сильной. Сильной – благодаря как раз полифонии. Кто хотел – играл на пианино (в буквальном смысле – настоящее пианино красовалось посреди площади), кто-то пел, а кому-то нравились струнные или даже ударные инструменты. Благодаря именно ударным, не сомневался Ларри, революция в Киеве и победила.

Вряд ли линейное изложение темы в случае с Майданом имело бы успех. «С самого своего возникновения, – пишет Кундера, – роман пытается избежать линейности и пробить брешь в непрерывном изложении истории». Размышляя об этой «бреши», Ларри произвольно сравнил Майдан с постмодернистским романом. Он бы и сам хотел написать такой, но что толку – полифония даётся не каждому, а заниматься «линейным» захватом Крыма – удел бесталанных. Бесталанных скотов и, как показывает практика, большей частью русскоязычных: сначала Приднестровье, затем Абхазия с Южной Осетией, а теперь и Крым.

Печально, но в «линейность» вполне вписалось и убийство Александра Музычко. Сашко Билый – один из активистов «Правого сектора» – был застрелен своими же (майданскими) милиционерами. Сообщение пришло 25 марта, и, узнав новость, Ларри ощутил разочарование: революция занялась своими. Концерт закончен, но «роман» ещё не дописан. Как заметил (опять же в «Искусстве романа») всё тот же Кундера, «Брох восхищает нас не только тем, что довёл до благополучного конца, но и тем, что он наметил, но не достиг».

Этим недостижимым Ларри и утешался.

Несмотря на chaos revolution, полифонический замысел Майдана по-любому был лучше «линейности» русской оппозиции. В Москве, к примеру, то и дело случались антипутинские протесты, но толку от них как не было, так и нет. Там все ненавидели всех: коммунисты демократов, демократы либералов, либералы нацистов и так далее. Каждый играл свою партию, и лишь романтики (мысленно, виртуально, во сне – но хотя бы так) занимались общим либретто.

Похоже, из всех именно эти «очкарики» и знали цену истинных перемен – разочарованные, находившиеся по митингам, избитые и сообразившие наконец, что выхода нет. В реальности их ожидал долгий период деспотии. Рассчитывать на эволюцию сограждан у них не было времени – вот они и писали «полифонический роман», воссоздавая свои «майданы», протестуя, обороняясь и наступая мысленно.

Почему он так уверен в будущем РФ (диктатура, разбой, агрессия)? Из-за людей. Главным «достижением» путинского режима Ларри считал поколение идиотов, воспитанных на ненависти к Западу и без малейшего представления о подлинной демократии. Они родились в

середине 90-х, к 2000-му начали соображать, а к 2012-му вполне сформировались как послушное большинство. Более того – к 2024-му они произведут одного, двух или даже трёх новых идиотов, и этого «ресурса» вполне хватит до сороковых (при любом развитии политического сюжета). Даже если в 36-м, когда будет переизбран преемник Путина, начнутся серьёзные преобразования (декоммунизация, суд над путинскими преступниками, возврат Крыма и так далее), потребуется ещё лет 20 для нового поколения плюс 30–40 лет, чтобы умерли прежние колорады, родившиеся в 90-х. Итого: $2036+20+30=2086$.

В контексте полифонии Ларри, естественно, размышлял и о «Пустых коридорах» Дауна. Марк ведь тоже был из «романтиков-русифобов» и, как следовало из его немногочисленных интервью, искренне ненавидел путинский режим. Что же до музыки (и текстов) – он ясно давал понять, откуда черпает силы и вдохновение. «Возможность острова, – Марк словно цитировал Уэльбека, – на сегодня единственный способ противостоять диктатуре или хотя бы спрятаться от неё».

Таким образом, у Ларри появилась версия: что если Даун намеренно «подмешивал» в свои композиции неслышимый спектр? Некоторая часть звуков при записи терялась, но даже тех, что оставались, вполне хватало для перемещения в другую реальность.

Догадку подтверждали и опыты Кэт. Сочинённые ею мелодии усиливали эффект полифонии, словно компенсируя непреложность физики, а заодно и специфику самого музыканта.

В том, что Даун был специфической личностью, Ларри не сомневался. Даже отрывочных сведений о нём вполне хватало. Замкнутый, разочарованный и устремлённый внутрь. О том же свидетельствовали и его тексты. К слову сказать, свои английские тексты Марк неизменно сопровождал переводами на молдавский, румынский или даже русский язык – в зависимости от настроения, как понял Ларри, и исходя из гармонии самого стиха. Переводы присутствовали и в буклетах и почти всегда на концертных выступлениях.

Взять тот же Polyphonic Plan – четвёртую композицию из «Пустых коридоров». Русский текст «Полифонического замысла» производил гораздо более сильное впечатление, нежели английский. Казалось, именно русский вариант был исходным, а никак не переводом.

«Укрыться от дождя в кафе у моря – полифоничней моря, кафе и самого дождя», – писал Даун (псих из Приднестровья). И дальше:

Навес, кафе, заправка, небо.
Отель, две книжки, жалюзи.
Снаружи надпись «Не входи!».
«Не выходи!» – надпись по стенам.

Отчётливо представив себе эти стены, надписи, придорожный отель и бензоколонку на окраине Брума (штат Западная Австралия), Ларри задумался. «Почему бы и нет?» Он оцепенел от этой мысли и уже на следующий день отправился в Брум повидать Марка. (Если не повидать, то хотя бы взглянуть на загадочный для него Австралийский Союз – Commonwealth of Australia.)

К тому же он устал. Ларри устал от однообразия будней и, честно сказать, был благодарен Годену за его «коридоры». По крайней мере, Ступак огляделся, нашёл новое приложение своим мыслям, а заодно и приключение, если верить проспекту American Express Travel: «*Хотите приключений – прилетайте в Дарвин!*»

Сюда-то он и прилетел 18 апреля рейсом SQ-25 «Нью-Йорк – Дарвин». Стояла пятница. Ларри прошёлся по Mitchell Street, снял номер в отеле DoubleTree by Hilton Darwin и к вечеру, посмотрев новости ABC, вдруг понял, что без новостей ему лучше. Умер Гарсия Маркес, укра-

инские солдаты переходят на сторону сепаратистов, к месту вероятного падения пропавшего «Боинга» направляется батискаф.

Новости производили искусственное впечатление театра. И писатель Маркес, и батискаф в Индийском океане, и украинские русофилы казались списанным реквизитом, призванным впечатлять, но не впечатлявшим. Батискаф обнаружит пассажиров «Боинга», но не вернёт их к жизни, русские не успокоятся, пока не отомстят Майдану, а с Маркесом и вовсе беда: Ларри искренне полагал, что тот давно уже умер – однако ж нет. Все эти годы писатель жил. Жил, как ни в чём не бывало, и по-прежнему продвигал свои коммунистические мечты о всеобщем счастье.

В пространстве между реальностью и театром Ларри и предстояло крутиться остаток жизни. Театра, заметим, становилось всё больше. От политиков до бездомных люди демонстрировали искусственную наигранность. В офисе, на улице и дома они всё больше походили на телевизионных персонажей. Персонажей кино, рекламных клипов, артистов шоу-бизнеса, писателей-леваков по типу Маркеса, сепаратистов по типу русофилов и жертв авиакатастроф по типу пассажиров «Боинга», покоящихся в океане.

Глубина океана в предполагаемом месте катастрофы «Боинга» Malaysia Airlines составляла около 500 метров. Наверняка там обитали не открытые до сих пор виды. В этом смысле идея с батискафом имела и вполне конструктивный смысл: не найдутся люди – найдётся другое. Новый вид, к примеру, моллюск какой, а то и неизвестный науке экстремофил.

Без новостей Ларри и впрямь было лучше. Двадцатого апреля он покинул Дарвин, добрался в Кунунарра и в тот же день автостопом прибыл в Брум.

Странно, город напомнил ему Касл-Рок Стивена Кинга. Чуть правей автовокзала виднелось кладбище. «Кладбище домашних животных», – подумал путешественник. Как он и рассчитывал, в воздухе ощущалась осень, накрапывал дождь. Правда, осень в этой части южного полушария относительна. Брум находится в тропиках и имеет полусухой климат. «Как и у большинства австралийских тропиков, – прочёл Ларри в Википедии, – в Бруме присутствуют два вида сезона: сухой и влажный». Начинался сухой. Средняя температура апреля здесь составляет около 30 градусов. Со дня на день дождь прекратится (засуха продлится до декабря).

Иначе говоря, осень в Бруме – что лето. Океан и пустыня – две климатообразующие ипостаси. Запад и Восток, Новодворская и Путин (Ларри улыбнулся) – совсем как его мозг: правая часть этого мозга кидалась волнами Индийского океана на Большую Песчаную пустыню (слева), производя шум, незатейливый смех и уколы совести.

На Guy Street он зашёл в табачную лавку, где купил сигарет, банку колы и крекеров с солью. «Хлеб всему голова», – припомнил Ларри русскую поговорку. К вечеру задул ветер.

– Задул ветер, – сообщил он Кэт спустя время по телефону. Наступала ночь. Брум явно оживлялся своими клубами, кафе и глупой рекламой. Шума поприбавилось, а Стэнли всё выглядывал звёзды в небе над пристанью.

– И что? – удивилась Скович.

– Марк уехал, – ответил Ларри. – Придётся ждать.

Марк действительно уехал (куда-то в Канберру, что ли – Ларри не понял). Продавщица из табачной лавки, казалось, знала все сплетни, но также и успокоила его – к концу недели Даун вернётся. До тех пор («если, конечно, учёный не против») Ларри мог бы остановиться у неё.

Кэт медлила. Сочинив уже с полсотни мелодий (аккомпанируя Дауну в неслышимом спектре), она невольно сблизилась с музыкантом и теперь с нетерпением ждала известий из Австралии. Более того, она втайне мечтала о Марке. Он знаменит, свободен и с деньгами. К

тому же, судя по фотографиям, это был весьма приятный молодой человек, и ей, конечно, хотелось бы связи с ним.

– И как тебе продавщица? – спросила она.

Ларри смутился – он так и знал: Кэт гораздо проницательнее, чем кажется. У неё в голове будто стоял локатор, и Скovich улавливала им чужие мысли.

– Её зовут Лена, она из России.

Кто бы сомневался: по мере роста популярности Путина русские всё интенсивней разъезжались по свету. При этом трудно было понять – они едут из скуки, из-за несогласия с режимом или наоборот – продвигают его (восхищаясь своей родиной и рекламируя её советские принципы).

Он вдруг припомнил поливальную машину в Москве год или полтора назад. Ларри посещал тогда Дарвиновский музей по обмену опытом и стоял как-то на остановке трамвая. Трамвая не было. Зато к остановке приближалась поливальная машина. «Поливальная машина ничем не уступает танку, – записал тогда Ларри. – Выстреливая мощную струю воды (под видом уборки улицы), она вынуждает меня искать укрытие и в итоге бежать куда подальше».

– Как знаешь, – промолвила Кэт (Катя Скovich – пианистка, выпускница Литовской академии музыки и театра). Промолвила и распрощалась.

26 апреля в Брум вернулся Марк Даун. Тогда-то субботним вечером в клубе «Жемчуг» Ларри и встретился с ним, рассчитывая на беседу, как, собственно, и вышло.

С виду Марк действительно напоминал дауна: довольно глупое лицо, унылый взгляд (видно, и впрямь натерпелся – русский дурдом не мёд). Чего не скажешь о манерах: удивительным образом Марк располагал к себе, да и голова у Дауна оказалась на месте.

В клубе «Жемчуг» давали noise. С десятков групп (по мнению Ларри – совершенно однотипных и безвкусных) попеременно выскакивали на сцену и под оглушающий электрический грохот имели на чём свет стоит глобальную экономику, Ангелу Меркель и Барака Обаму. Неизменный видеоряд демонстрировал сцены насилия, а с экрана на вас орали, улыбались и заигрывали с вами Гитлер, вечно живой Чавес и Владимир Путин у Симферопольского вокзала («КРЫМ НАШ!» – гласил баннер над пригородными кассами).

Тут же у касс бесновались крымские тётки – толстые, болезненного вида и подобострастно кидающиеся к Путину, а заодно и позирующие Russia Today. Оркестр Черноморского флота исполнял «Калинку». «Чёрт знает что», – едва сдерживал себя Ларри. И поди ж ты пойми, где тут мораль.

Мораль?

– Недоумки, – отозвался Марк, завидев отвращение на лице Ларри. – Жалкие недоумки, – уточнил он, кивнув в сторону музыкантов. – Что привело вас сюда?

Случайно или нет – «недоумки» вдруг прервали своё выступление и ушли на перерыв. Стихли аплодисменты, посыпались реплики и вновь застучали вилки – характерный момент клубного общепита.

– «Пустые коридоры», – ответил Ларри и полез за блокнотом.

– Коридоры?

– Ваш прекрасный альбом, – Ларри улыбнулся, – показался мне особенным. Непонятно как, но он словно перемещает в другое измерение.

– Музыка и должна перемещать, разве нет? – Марк отвёл взгляд. На сцене появился какой-то дядя и постучал в микрофон. – Вы за этим и прилетели?

– Перемещать, но не настолько, – уклонился Ларри. – Вот данные опытов, – он развернул и пододвинул блокнот Марку.

Тот отпил виски, взглянул на записи, перевернул страницу туда-сюда и сосредоточился на выводах. Не то чтобы выводы, скорей предположения. Ларри не особенно заморачивался

формальной стороной и по обыкновению старался заглянуть в суть: «Неслышимый спектр (запись, воспроизведение), влияние неслышимого спектра на психику (возможность параллельной реальности), субъективный эффект или естественная физика?»

– Отчасти вы правы, – согласился Даун, – всё это крайне интересно, а ваше «пианино» и вовсе...

– Что вовсе?

– Не знаю. Я думал о таком же инструменте, но так и не решился. В итоге ограничился бытовыми приборами. У меня тут целый оркестр этих приборов.

Марк с нескрываемым любопытством просмотрел партитуры Кэт. Затем достал карандаш и кое-что поправил. Stabilo HB=21/2 – весьма популярный карандаш. Такими же пользовался и Ларри. Он покупал их по три штуки в упаковке, но в последнее время модель стала редкостью и купить карандаши было непросто. Со стёркой ещё ладно (ими то как раз торговали), но со стёркой ему не нравились. Ступак предпочитал классические – зелёные с красной «каплей» сверху (как «о» в логотипе «Япоши»).

Как выяснилось, Марк действительно использовал звуки неслышимого спектра при записи своих альбомов. Поначалу он и не думал ни о каком эффекте: писал что придётся – в шутку и скорей для развлечения. Позже привык и уже на «Пустых коридорах» делал это более-менее осознанно. Записывая Intro, к примеру, он заметил, что сдохли крысы в его амбаре. На Experiments из его огорода ушли хорьки, а при записи Lesbian Kat умер соседский ёжик и пропала моль. Именно тогда он впервые задумался о странностях.

– Катя Скovich, автор этих партитур, тоже, кстати, «Лесбиянка Кэт», – вставил Ларри. Он указал на партитуры (аккомпанемент в неслышимом спектре). – Кличка приклеилась к ней ещё в академии.

– Лесбиянка Кэт?

– Совпадение – радость художника. Вдохновляющий мотив и в конечном итоге – залог успеха, – Ларри хоть и иронизировал, но была в том и доля правды.

Он не верил в Бога (слишком их много – богов), зато радовался совпадениям. Чем ниже вероятность совпадения, тем в большей степени он ценил эту вероятность, размышлял о ней и строил фантастические модели.

Накануне, к примеру, он повстречал ворону, клюющую чупа-чупс. Спустя минуту ему попалась тётя на остановке автобуса тоже с чупа-чупсом, а на набережной валялась обёртка Chupa Chups «Волшебная» (кола, лайм, лимон). Вывод прост: чупа-чупс – концентрированная метафора. И ворона, и тётя на остановке, и обёртка свидетельствовали о некоем проявлении общего начала. Иными словами, млекопитающие и птицы (по меньшей мере млекопитающие и птицы) имеют общую эволюцию яйца. Во всяком случае, чего-то округлого, манящего и непристойного, как мусор.

– Катя Скovich из Гомеля, – уточнил Ларри. – Она окончила Литовскую академию музыки и театра в Вильнюсе. После окончания академии Кэт уехала в США. Живёт в Рокленде, штат Мэн. Окна её дома выходят на океан и кафе Brown Bag.

– Она действительно лесбиянка? – спросил Марк.

Стэнли пожал плечами: «И да, и нет».

Тогда-то он и поведал Марку историю (story, как любит говорить Кундера), приведшую его в Брум. Ларри рассказал о Паскале (о его «перемещении» к Эмили, и что именно Паскаль первым обратил внимание на странные свойства «Пустых коридоров»). Рассказал о своих опытах, о Лесбиянке Кэт, о «неслышимом пианино» и о догадках относительно техники записи альбома.

– Слышимое и нет, – вставил Марк, – тут вы правы. Но дальше-то что?

А вот что. Ступак подобрался к главному и уже ощущал прилив вдохновения. Нет, в самом деле, было бы неппростительным не заметить открывающейся перспективы и упустить очевидную возможность заработать. Люди издревле тем и живут, что придумывают себе Бога, а затем вымалывают у него вечной жизни. Хотя бы разнообразия, не сомневался Ларри. А если они так хотят вечности и разнообразия, почему бы не дать им это?

– И что ты предлагаешь? – спросил Марк, с осторожностью перейдя на «ты».

– Не знаю, – Ларри огляделся. – Что-то на продажу. Что-то, что можно продать. Возобновляемую жизнь, другую реальность, разнообразие, наконец, этих реальностей. Но так, чтобы умещалось в кармане.

– В карманы падали звёзды... Бумбокс? – оживился Марк.

– Вроде того. С твоими композициями, аккомпанементом Кэт и умным управлением.

Этим «управлением» Ларри как раз и занимался последние год-два в своём Музее естественной истории. Control of Events by Thoughts (СЕТ, «Мысленное управление событиями») был наиболее значимым проектом Лоуренса в лаборатории Earth and Planetary Sciences. Проект СЕТ, предложенный Ларри, кардинально отличался от подобных систем, неплохо финансировался и, будь он реализован, несомненно, имел бы перспективу.

«Бумбокс», по выражению Марка (и в представлении Ларри) как раз и был той самой реальностью, возобновляемой жизнью, разнообразием и так далее, о чём грезили набожные. К тому же устройство вполне годилось для опытов Ларри, а наладь они его производство, друзья могли бы неплохо заработать.

На том и порешили.

V. Boombox («Бумбокс»)

*Возможности поражают!
Из рекламы строительной компании «Мортон» военной ипотеки*

Композиция с дурацким названием «Бумбокс» (пятая вещь на альбоме Марка Дауна «Пустые коридоры») была на удивление красивой, но печальной. Чем больше знаешь, подумал Ларри, тем больше печали.

На следующий день он вновь повстречал свою ворону (ворону за едой) и пережил если не шок, то по меньшей мере состояние сильной эмоциональной встряски. Тут что с баннером в «Яндексе» по случаю оккупации Крыма – чёрный флаг победы развевался над Рейхстагом, а внизу красовалась надпись: «С возвращением!».

К «возвращению» готовились также Донецк, Луганск, Мариуполь и Одесса. Облизывались Харьков, Изюм, да и вообще украинские русофилы (а их немало) облизывались и потирали свои колорадские ручонки. В голове у них торчал шприц Останкинской телебашни. Торчал и чуть покачивался туда-сюда, вонзившись в мягкую плоть мозга.

Что до вороны – на этот раз она ела не чупа-чупс, а голубя. Ворона с азартом клевала его внутренности. Клевала и подпрыгивала от удовольствия.

Первое, что пришло в голову, – русские. Подобно вороне, клюющей голубя, они всё больше дербанили Украину в надежде отхватить от неё юго-восток (хотя бы что-то) и обеспечив таким образом логистику для Крыма. К тому же, присоединив к РФ части соседнего государства, Путин всегда мог сослаться на неизбежные трудности (трудности «присоединения») и тем самым оправдать любой кризис внутри страны. Помимо прочего, война – прекрасный повод для мобилизации удали и патриотизма (что при обычных условиях довольно сложно).

Вполне приличная с виду ворона. Птица как птица (а почему бы и голубя не съесть?). Округлость чупса тем и хороша – не подкопаешься: ворону так и тянуло на яйца (новые яйца украинской демократии).

Поев, ворона взглянула на Ларри и чуть попятилась. Неподалёку прогуливался ещё один голубь. Ворона же выглядела вполне уверенной в себе и не скрывала самодовольства. Казалось, она смеялась. Смеялась над Ларри, над его возможными «санкциями», над ОБСЕ, ООН и войсками НАТО в Европе. Смех её был лукав и сдержан, словно ухмылка Путина на саммите БРИКС.

Как и Путин, ворона руководствовалась инстинктом, исходила из борьбы с инакомыслием и жила по понятиям. Ларри лишь смотрел на неё и едва сдерживал гнев. Он бы и рад был убить её, да не мог. Законопослушный либерал, «голубь» с Кабл-бич – такой и себя не спасёт, не говоря уже об украинских «яйцах».

Тут-то он и улыбнулся. Внезапно в его голове промелькнула мысль (смешная и страшная одновременно). Гаджет-убийца – вот заветная мечта истинного либерала, подумал Ларри.

Принцип работы такого устройства прост и применительно к «пустым коридорам» мог бы заключаться в следующем. Мелодия бумбокса поступает сначала в ухо, затем в мозг. Мозг «отсылает» вас в новую реальность. Там вы встречаете самого себя и в зависимости от того, кто вы (ворона или голубь), либо убиваете себя, либо нет (и в этом случае следует впрямь не понятиям, а закону). Бумбокс – но как нечто большее, чем «параллельный мир», «другая реальность» и прочая лабуда.

И всё же страшно. Ларри добрёл до ближайшей остановки автобуса и лишь тогда чуть успокоился. Мысль о гаджете-убийце постепенно отступила, а в автобусе Ступак переключился на муху. Муха сидела на поручне и оглядывала пассажиров. Толстый дядя у окна читал

«Геральд Сан», у задней двери оживлённо беседовали две проститутки, а на переднем сиденье дремала бабушка лет восьмидесяти в модных очках, с рюкзаком и в синих джинсах. Водитель автобуса в футболке Brand New вёл автобус, и муха знай себе взирала на всю эту тишь да гладь, потирая лапки.

Гаджет-убийца? Вряд ли он приживётся тут (в Бруме). Тут с него и цента не выручишь. Ларри взглянул на муху и на прощание помахал ей.

На остановке у аэропорта его поджидал Марк.

Накануне Даун предложил Ларри слетать в Сидней. В воскресенье вечером у Марка запланирован концерт в Гайд-парке, а заодно они посетили бы Ботанический залив.

Ботани? Именно Botany Bay (Ботанический залив) был формальной целью его поездки в Австралию. По заданию и на деньги Музея естественной истории Ступак должен был подготовить репортаж и статью для сайта AMNH – история, флора, фауна, интересные факты, фото и видео. Параллельно (и уже в интересах лаборатории Earth and Planetary Sciences) Ларри вёл дневник и записывал впечатления в Твиттер.

Так что предложение Марка оказалось как нельзя кстати. К тому же Даун намеревался самостоятельно управлять своим R44 (вертолёт Robinson R44 – довольно старая и выдавшая виды машина, но вполне на ходу), в связи с чем поездка обещала быть необыкновенно захватывающей.

Обещание сбылось. В дороге они слушали «Rooms of the House» La Dispute (альбом четырнадцатого года) и считали кенгуру в пустыне. В общей сложности друзья насчитали 143 кенгуру. Те скакали и, казалось, резвились в легкомысленном порыве. Однако ж нет. Кенгуру не позавидуешь. По свидетельству местных жителей, дикие кенгуру служат объектом ожесточённого отстрела. Животных отстреливают как с целью добычи мяса и шкур, так и с целью охраны пастбищ. Мясо кенгуру считается более полезным для здоровья, чем большинство коммерчески производимого мяса. «В свете его низкой жирности», если верить Википедии. Такие дела.

Как видим, и сумчатые едва справлялись. Западня, одним словом. Перефразируя Милана Кундера, *мир – западня. Кенгуру родились на свет, хотя не просили об этом, они заперты в теле, которого не выбирали и которому суждено умереть.*

К шести часам друзья благополучно приземлились в аэропорту имени Кингсфорда Смита, к восьми наладили аппаратуру и в ожидании фестиваля отправились поужинать в ближайший паб. Этим пабом оказался клуб Номе с видом на гавань. Стоял прекрасный вечер. Из порта доносились sireны кораблей и звуки подъёмного крана. Кран то и дело мелькал оранжевыми огнями на горизонте, а на веранде Номе крутили последний альбом Джона Мейолла. Несмотря на свои 80 лет, Мейолл излучал оптимизм и иронию.

Чего не скажешь о выступлении Марка.

Там хоть и была ирония, но тексты, да и сам облик музыканта явно указывали на безысходность. Выступление длилось около получаса (может, и больше – честно говоря, в какой-то момент Ларри потерял ход времени). Марк исполнил Intro, «Лесбиянку Кэт», две или три композиции с предыдущих альбомов и закончил «Полифоническим замыслом».

Закончил, да не совсем. Сделав вид, что покидает сцену, Даун наиграл первые аккорды Boombox, и тут зал буквально взорвался. Судя по всему, это был гвоздь программы. И Марк, и фанаты явно знали о подобной развязке и теперь не скрывали эмоций. Совершенно упадочная композиция «Бумбокс» произвела эффект почище любого оптимизма. Мелодия волнообразно набирала темп, текст между тем замедлялся, и всякий раз в интервале «противостояния» фанаты вскакивали, парк оглашался невероятным шумом, а на сцену летели петарды, труссы и пластиковые бутылки.

Вот и думай – безысходность, помноженная на толпу, может обернуться небывалым подъёмом. Так, вероятно, и сметают прочь унижительные режимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.